

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Л. Л. Ермаковой «Вячеслав Иванов — переводчик и интерпретатор трагедий Эсхила» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — «Русская литература»

Диссертационное сочинение Лии Леонидовны Ермаковой представляет собой первое фундаментальное исследование, посвященное Вячеславу Иванову как переводчику и интерпретатору Эсхила. Тематика диссертации затрагивает целый ряд серьезных литературоведческих проблем, связанных как с рецепцией античности в России, теорией и практикой художественного перевода, так и с усвоением наследия эллинской культуры в переводных и оригинальных сочинениях отдельных представителей отечественной литературы. В поликультурном русском модернизме перевод занимал значительное место, но в творчестве эрудита и полиглота Вячеслава Иванова, блестяще владевшего древнегреческим и латынью (помимо других европейских языков) он играл исключительно важную роль.

Диссертантка совершенно справедливо констатирует, что на фоне общего роста научного интереса к теме «Иванов-переводчик» переводы Вяч. Иванова из Эсхила изучены недостаточно. Одна из причин этого довольно точно диагностирована Л. Л. Ермаковой. Хотя этот переводческий проект поэта, самый масштабный в его творчестве, «крайне важен при изучении поэтического и драматического наследия Иванова», к нему обращаются довольно редко – видимо, в силу «представления многих исследователей о том, что перевод нужно рассматривать отдельно от оригинальных произведений и наоборот» (с. 13). Однако дело не только в таком специфицирующем подходе: его непродуктивность в отношении многогранной личности Иванова признается многими. Дело, скорее, в том, что среди историков литературы не так часто встречаются знатоки древних языков (о чем автор деликатно умалчивает), в то время как среди филологов-классиков все меньше остается ученых, которые интересовались бы творческим наследием поэта и теоретика символизма в целом.

В такой ситуации тема представленной к защите диссертации выглядит особенно актуальной. Не вызывает сомнений и научная новизна работы, нацеленной на комплексное изучение переводов Иванова из Эсхила и выявление специфики переводческих стратегий поэта и историка дионисийской религии. Такой подход дает возможность описать объект исследования с привлечением текстологического, историко-литературного и филологического методов, в том числе критики текста, сравнительно-сопоставительного, количественно-статистического, лексико-стилистического и

стихovedческого анализа, а также задействовать концепции Иванова о дионисийстве и греческой трагедии в качестве интерпретационного ключа к его переводу Эсхила.

Первый раздел диссертации «История и текстология» состоит из трех глав. В первой из них существенно уточняются и дополняются этапы работы поэта над переводом Эсхила, изложенные Н.В. Котрелевым в издании, вышедшем в серии «Литературные памятники» (Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 497–522), а также в статье Н.Н. Казанского «Вячеслав Иванов как переводчик Эсхила» (Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура. СПб., 2003. С. 15–24), в которой рассматривается эволюция перевода трагедии «Агамемнон». Л. Л. Ермакова детально прослеживает историю и текстологию всех дошедших до нас 18 рукописей и машинописей из пяти архивов (РНБ, РГБ, РГАЛИ, РО ИРЛИ РАН, Римский архив Иванова), включая авторизованные машинописи перевода «Орестей» из личного фонда В. О. Нилендера в архиве РГБ, на которые, как показывает диссертантка, следует опираться при подготовке нового издания Эсхила в переводе Вяч. Иванова. Выявление наиболее полных рукописей, включающих последнюю авторскую правку, является важным шагом в прояснении запутанной текстологии переводов Иванова из Эсхила.

Вторая глава первого раздела посвящена сопоставлению изданий трагедий Эсхила из библиотеки Вяч. Иванова с текстами его перевода. Здесь диссертантка также вносит серьезные уточнения в вопрос о том, какими именно изданиями пользовался в своей работе поэт-переводчик. Так, вопреки утверждению Н. Н. Казанского о том, что Вяч. Иванов руководствовался главным образом изданием А. Кирхгофа (1880) (с. 41), Л. Л. Ермакова убедительно доказывает, что Иванов отдавал предпочтение изданиям Г. Германа (1852–1853) и А. Вейля (1884); к изданию же Кирхгофа, а также У. Вилаговица-Мёллендорфа (1900 — немецкий перевод, 1914 — издание греческого текста) он обращался спорадически.

Издавания переводов Вяч. Иванова из Эсхила посвящена третья глава первого раздела. В отличие от двух первых, она делится на пять параграфов в соответствии с количеством опубликованных фрагментарных и полных переводов Иванова. Автор диссертации критически анализирует все издания, но особое внимание уделяет самому авторитетному на сегодня изданию трагедий Эсхила в серии «Литературные памятники» (1989). Признавая его несомненные достоинства (к числу которых относится публикация в качестве приложений «Эллинской религии страдающего бога» и отдельных глав из «Диониса и прадионисийства»), Л. Л. Ермакова отмечает эдиционные недостатки издания. В итоге автор аргументированно подводит к выводу о необходимости «тщательно выверенного издания ивановских переводов, в котором будут учтены не рассмотренные

ранее источники текста» (с. 53). Полученные в первом разделе результаты исследования по существу представляют собой новый вариант текстологического и историко-литературного комментария к трагедиям Эсхила, переведенным поэтом.

Второй раздел «Символы и понятия» – по объему и разветвленной рубрикации – занимает центральное место в диссертационном сочинении. В нем четыре главы, каждая из которых делится на параграфы. Важное значение имеет раздел и с точки зрения исходной интенции диссертантки на выявление связи переводческих стратегий Вяч. Иванова с его размышлениями о дионисийской религии и греческой трагедии. Представляется, что название раздела развивает и дополняет положения статьи Я. Л. Забудской «Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова», в которой затрагивается вопрос о введении Ивановым в текст своего перевода «отсутствующих в оригинале символов и понятий» (Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. М., 2002. С. 143). Среди них Забудская называет и кратко описывает концепты «соборность», «рок» и «грех», причем первый определяется как «собственное привнесение Иванова», а два других – как «следование традиции». При этом исследовательница утверждает, что дионисийские идеи Иванова-теоретика не нашли отражения на уровне словесного выражения, т. к. тексты Эсхила не давали ему такой возможности.

Однако анализ ключевых символов и понятий в переводе Иванова Эсхила позволяет диссертантке скорректировать и отчасти опровергнуть эти представления, избегая открытой полемики. В первой главе раздела убедительно доказывается, что в ивановском переводе «Орестей» название орудия убийства Агамемнона Клитемнестрой устойчиво соотносится с символом двойного топора (лабриса), хотя в греческом тексте нет его точного коррелята, а зачастую он и вовсе не упоминается. Внимательно разбирая прочтения сложных мест в эсхилевском тексте, приводя многочисленные параллельные переводы, а также привлекая в качестве «логического комментария» статьи и филологические работы Вяч. Иванова о Дионисе и трагедии, Л. Л. Ермакова приходит к выводу, что именно символ двойного топора (атрибута Диониса и его жриц) манифестирует на лексическом уровне тесную взаимосвязь между переводом Эсхила и дионисийскими идеями переводчика, которые определили характер его интерпретационного перевода. Очень вескими выглядят доказательства того, что «образ Клитемнестры в интерпретации Иванова оказывается связан с тем культом, из которого возникла трагедия: Клитемнестра выступает здесь как жрица двойного топора, убивающая жертву-быка (с которым сравнивается Агамемнон). Но позже она сама становится жертвой Ореста, и таким образом круг “жрец — жертва” замыкается» (с. 69–70). Тем самым автор диссертации устанавливает, что в трагедиях Эсхила Вяч. Иванов искал

подтверждения своей концепции, а при переводе делал акцент на тех деталях, символика которых была особенно значимой для его идей.

Вторая и третья главы второго раздела детально рассматривают ключевые для древнегреческой трагедии понятия «грех» и «судьба» в переводах Иванова из Эсхила. Главы выстроены симметрично, количество параграфов и их названия почти одинаковы, в каждой из них исследование строится по единому алгоритму, с применением одних и тех же методов анализа (лексико-семантического, количественно-статистического, сравнительно-сопоставительного, филологической критики текста переводов Иванова и его работ о дионисийстве и трагедии). Взаимосвязанными оказываются и их выводы, которые, во-первых, подчеркивают отличия переводческих стратегий поэта от общей тенденции употребления слова «грех» и лексико-семантической группы «судьба» в русской традиции переводов греческих трагиков: первое слово и его дериваты Иванов использует гораздо чаще других переводчиков, а из второй группы, также многочисленной, чаще предпочитает понятие «рок». Во-вторых, своеобразие ивановских переводов объясняется его концепцией, опирающейся на комплекс представлений о первородном грехе, антиномичности действия, дионисийско-титанической природе человека и его воли. Этот комплекс идей, который Иванов находил в религии Диониса и учении орфиков, раскрывался во многих его произведениях, как художественных («Прометей», 1919), так и научных («Дионис и прадионисийство», 1923). На нем же основана интерпретация Ивановым античной драмы не как «исключительно трагедии рока», а как трагедии «самоопределения человеческой личности перед лицом сверхчеловеческих могуществ» (с. 111).

Рассмотренные главы второго раздела представляют исключительный интерес ввиду серьезной научной обоснованности и убедительности полученных результатов. Однако, на наш взгляд, диссертантка не всегда удачно применяет количественно-статистический анализ. Так, например, в таблице 7 приводится частотность употребления слов с корнем «грех-/греш-» в русских переводах «Орестей» (гл. 2, § 2). Вяч. Иванов занимает лидирующее положение среди других переводчиков драматической трилогии Эсхила: в совокупности указанные лексемы встречаются у него 36 раз. В четвертом параграфе производится подсчет употребления слов из той же лексической группы в переводах всех трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, выполненных современниками Вяч. Иванова. Это позволяет диссертантке прийти к обобщающему выводу: у Д. С. Мережковского слова с корнем «грех-/греш-» встречаются 22 раза в семи переведенных им трагедиях, у И. Ф. Анненского 71 в 18 трагедиях, у Ф. Ф. Зелинского — больше всего (62 в семи трагедиях). В то время, как «контрольная цифра» у Иванова,

фигурирующая выше, основана исключительно на анализе «Орестей», без учета трагедий «Персы» «Просительницы» и «Семеро против Фив». И хотя эта картина восполняется в следующем параграфе, где рассматриваются конкретные примеры употребления слова «грех» и его дериватов в текстах всех трагедий, переведенных поэтом, все же Л. Л. Ермакова пользуется здесь уже не статистическим, а лексико-тематическим методом анализа. В итоге точные статистические данные относительно количества искомой лексики в переводах Иванова из Эсхила в целом не приводятся. Впрочем, это замечание относится скорее к разряду частных упущений, исправленных в дальнейшем. Так, выявив частотность лексико-тематической группы «судьба» на материале «Орестей», автор диссертации приводит данные о количестве вхождений лексемы и в других трагедиях Эсхила в переводе Иванова.

Четвертая глава второго раздела обогащает современную науку новыми наблюдениями над архаизмами с библейскими и христианскими коннотациями в переводе Иванова, не учтенными в работах других исследователей («лицо земли», «страстотерпец, страстной», «богоотступники, безбожники», «святой» и др.). Интересно, что диссертантка пытается синтезировать точки зрения С. С. Аверинцева и Н. Н. Казанского на причины «христианизации Эсхила», или «культурной интерференции» в переводах Иванова. Аверинцев объяснял этот феномен сознательной мировоззренческой установкой поэта на утверждение преемственности между эллинизмом и христианством, в то время как Казанский полемически подчеркивал чисто языковые задачи переводчика, его установку на «поиск адекватных языковых средств для передачи древнегреческого оригинала». Л. Л. Ермакова детально прослеживает обусловленность библейско-христианской лексики в переводе Вяч. Иванова его религиозно-философскими идеями и филологическими исследованиями дионисийства и аргументированно доказывает, что поэт «совершенно сознательно использует христианские по своим коннотациям понятия в дискурсе о дионисийской религии» (с. 121) как в оригинальном творчестве, так и в переводе трагедий Эсхила. В то же время, судя по отдельным формулировкам (с. 115), диссертантка отчасти разделяет и позицию Казанского. В связи с чем позволим себе задать вопрос, не затронутый соискателем. Можно ли согласиться с общей характеристикой своеобразия перевода Иванова из Эсхила как «этического», завершающей лингвистические наблюдения и выводы Казанского (Казанский. с. 23)?

Третий раздел диссертационного исследования посвящен анализу некоторых особенностей стиля переводов Иванова. Он состоит из двух глав. В первой из них автор подробно описывает двусоставные слова в переводе Вяч. Иванова, заостряет вопрос об эквивалентности перевода греческих композитов, развивает и дополняет новыми фактами

наблюдения предшественников относительно того, что Иванов наиболее последовательно из всех русских переводчиков стремился передать названную особенность эхилевского стиля. Результаты кропотливой филологической работы с текстами переводов и классификации двусоставных слов у Иванова представлены в приложении в виде сводных таблиц, весьма полезных для дальнейшего изучения творчества поэта. Выделяются 4 группы: 1) соответствующие композитам в греческом тексте; 2) передающие несколько греческих слов; 3) соответствующие односоставным словам; 4) не имеющие соответствий в тексте оригинала. Отметим важное предположение Л. Л. Ермаковой о том, что целый ряд добавленных Ивановым композитов «выполняют уточняющую и поясняющую функцию, то есть эксплицируют смыслы, внутренне заложенные, с точки зрения переводчика, в определяемом понятии», например, «двуострая секира», «смертоносное покрывало» и др. (с. 151). Полученные результаты позволяют диссертантке продемонстрировать, что Иванов подходил к задачам перевода творчески, как поэт, решая трудноисполнимую стилистическую задачу.

К аналогичному выводу Л. Л. Ермакова приходит и на основании тщательного анализа лексических и звуковых повторов в переводе Иванова, которому посвящена вторая глава раздела. Она разбита на шесть параграфов. Каждый из них блестяще выявляет установку переводчика-поэта на максимально полную передачу существенных элементов стиля Эсхила: повторов однокоренных слов (§ 1); повторов слов с разными корнями (§ 2); гомеотелевтов и рифмы (§ 3), аллитерации (§ 4). В свою очередь параграфы включают в себя подпараграфы. Разветвленная рубрикация раздела, к которому примыкает Приложение 2 «Рифмы и гомеотелевты в переводах Вяч. Иванова из Эсхила», свидетельствует об основательности предпринятых соискательницей разысканий. Результаты исследования дают представление о стиле переводов Иванова в тончайших деталях и доказывают, что поэт, в отличие от других переводчиков, новаторски использовал возможности русского языка, стремясь передать стилистические особенности «отца трагедии», характерные для него риторические фигуры и звукопись.

Завершает работу небольшой, но содержательный четвертый раздел «Метр», где подробно рассматриваются метрические эксперименты Вяч. Иванова. Известно, что Иванов первым из русских переводчиков греческой трагедии попытался создать «эквиметрический» перевод: античный ямбический триметр он передает шестистопным ямбом с константой на пятой стопе, а в переводе хоровых частей прибегает к логоэдам, имитирующим греческие метры в их базовой форме. Переводческие стратегии Иванова во многом отразились на других русских переводах Эсхила, а именно на переводах А. Пиотровского и С. Апта.

В Заключении по пунктам представлены 10 выводов, обобщающих результаты девяти глав, а также заключительного раздела исследования, оставшегося без более дробного деления.

На наш взгляд, формат заключительной части не вполне отражает многоуровневую структуру диссертации (четыре раздела, с неравным количеством глав, которые в свою очередь неизоморфно дробятся на параграфы, а некоторые из них включают и подпараграфы). Этот факт говорит о некоторой избыточности рубрикации, соответствующей разнообразию задач, поставленных перед собой диссертанткой. Вместе с тем во Введении задачи исследования представлены обобщенно, в виде трех групп: первая соотносится с первым разделом, вторая – со вторым, а третья – с третьим и четвертым, что с формальной стороны не вполне коррелирует с «разгруппированными» итоговыми выводами. Подчеркнем, речь идет только о некоторых формальных неувязках в репрезентации задач и выводов; с точки зрения содержания и логики диссертация отличается исключительной стройностью и упорядоченностью мысли.

В ходе чтения диссертационного сочинения, помимо сформулированных выше, возник еще один вопрос, на который мы не нашли однозначного ответа. В отличие от предшественников (Н. Н. Казанского и Я. Л. Забудской), которые одним из источников архаизации языка переводов Иванова из Эсхила считали фольклор, Л. Л. Ермакова, по видимому, придерживается иного мнения. Так, в примечании 420, после приведенных примеров фольклоризмов и русизмов Иванова диссертантка замечает: «Фольклорная составляющая в переводе Эсхила ощутима, но ее нельзя назвать стилевой доминантой» (с. 155–156). Но «ощутимость» плохо формализуема и мало доказуема. Можно ли рассматривать эту реплику как осторожную полемику с Казанским и Забудской? С другой стороны, при рассмотрении рифм в переводе Иванова, имитирующих греческие гомеотелевты, подчеркивается, что «грамматическая рифма характерна для русского устного народного творчества, так что в этом можно видеть еще и ориентацию переводчика на фольклорную стихию» (с. 173). Как соотносятся между собой два приведенных высказывания? Получается, что фольклор – не доминанта перевода, но переводчик ориентирован на фольклорную стихию. Хотелось бы услышать более четко артикулированную позицию автора исследования по поводу фольклоризации греческого языка в переводе Иванова.

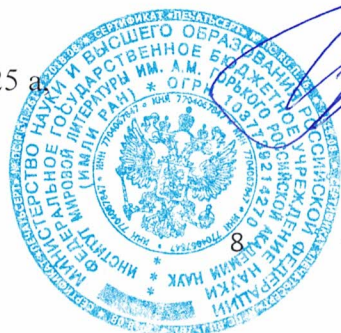
Все вышесказанное позволяет заключить, что диссертационное исследование Л. Л. Ермаковой выполнено на высоком научном уровне, основано на достижениях современного литературоведения, источниковедения, переводоведения, методов филологического и стиховедческого анализа текста, тем самым выходя за рамки какой-

нибудь одной дисциплины. Существенно, что предлагаемый комплексный подход базируется на сопоставлении переводов Иванова с дословными переводами оригинала, выполненными соискательницей самостоятельно. Это несомненно повышает «удельный вес» исследования и позволяет диссертантке достичь результатов, обладающих бесспорной научной убедительностью, новизной и перспективностью не только в сфере изучения переводческого творчества Иванова, но и в области взаимодействия русской и античной литературы. Работа демонстрирует основательное изучение истории вопроса, архивных источников и научной литературы (на нескольких языках) по заявленной теме. Содержание исследования полно и точно отражено в автореферате, а также в 6 публикациях автора.

Необходимо подчеркнуть еще одно достоинство работы: она написана на высоком уровне научного диалога, автор ведет свою линию уверенно и в то же время скромно (не педалирует собственные открытия на фоне недолгой, но авторитетной истории вопроса), замечательно ясным, точным и живым языком. Досадным речевым недочетом, пожалуй, выглядит чрезмерно частое употребление слова «пассаж» в отдельных частях работы (сс. 55-57, 117-118, 123-124, 134-135, 156-157). Помимо навязчивости, такой повтор невольно создает эффект иронической оценки диссертанткой переводов Иванова, что явно противоречит общим выводам работы. Укажем также на опisku в предложении «В оригинале мы видим эпифору с повторением имени Ξέρξης...» (с. 158), хотя речь идет несомненно об анафоре в тексте Эсхила, которую Иванов в своем переводе искусно преобразовал в эпифору. Эти недочеты носят случайный характер и не влияют на высокую оценку работы в целом.

Диссертация отвечает всем требованиям, изложенным в пунктах 9-11, 13-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Лия Леонидовна Ермакова, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Федотова Светлана Владимировна,
доктор филологических наук,
доцент, ИМЛИ РАН,
Москва, Поварская, 25 а
e-mail: info@imli.ru
тел.: 8 495 690 30

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН
01.12.21